

Пасхальные рассказы

Ландыши — Иван Белоусов

Маленькой девочке Марусе подарили на Пасху небольшую корзинку цветущих ландышей. Это было ранней весной, на улицах и в саду лежал талый снег, на проталинах земля была черна, а деревья были голы. Маруся была рада цветам; каждое утро, просыпаясь, она первым делом смотрела на цветы и вдыхала их нежный аромат. Выставляла их на солнышко, поливала их водой.

Но проходили дни за днями, и снежно-белые колокольчики цветов потускнели, съжились и, наконец, стали осыпаться. Только длинные, гладкие листья оставались такими же зелёными.

Дружно наступила весна. День ото дня солнце грело жарче землю и сгоняло последний снег. Обнажилась земля. В саду показались первые зелёные стрелки травки; а листья ландышей не увядали и всё оставались такими же зелёными.

Стали прибирать сад — расчищать дорожки, посыпать их песком, вскапывать клумбы для цветов, сгребать в кучи прошлогодний жёлтый лист.

Маруся стала выносить ландыши на волю: поставит на солнышко и смотрит на них — вот, думает, оживут они и снова зацветут.

Тогда мама научила Марусю сделать вот что: выкопать под ёлкой в тени ямку, разрыхлить землю и посадить туда ландыши. Так и сделала Маруся.

Всё лето ландыши не увядали, но цветов на них не было...

Пришла осень, а за нею — зима. И всё засыпало снегом.

Уснули ландыши под белым покрывалом. И думала Маруся, что погибли её цветы, и не раз в холодные зимние дни вспоминала про них. Но когда снова наступила весна, Маруся увидела на том месте, где были посажены ландыши, тонкие, нежно-зеленые трубочки. Они робко глядели сквозь ветви ёлки на голубое небо, на ясное солнышко: это ожили ландыши. С каждым днём ландыши становились всё больше, и скоро из них развернулись листья, среди которых был тонкий, зелёный стебелёк с маленькими, едва заметными цветочными почками.

К середине мая ландыши расцвели полным цветом, и радости Маруси не было конца.

Встретила — Евгений Елич

Яркое пасхальное утро. Гудят колокола в городе, а на хуторе в пятнадцати верстах от города тихо и зелено.

Птицы поют. Петух кричит. В старом хуторском доме по-праздничному торжественно и чисто.

Вскочила Галя с постели. Наскоро оделась. Кинулась в столовую к бабушке с радостным криком:

— Бабушка, Христос Воскресе!

— Воистину Воскресе! — ответила бабушка, целуя Галю, и отдала ей желтое каменное яичко, о котором Галя давно мечтала.

— Видишь, бабушка, я тебя первую поздравила! — хвалилась Галя.

— Да ведь ты у меня умница-разумница... Шустрая девочка! — смеётся бабушка.

— А мама не приехала? Мама когда приедет? — спрашивает Галя.

— Да за мамой я уже и лошадей на вокзал послала. Должна к обеду быть.

— Я хочу, бабушка, маму первая, самая первая, встретить. Непременно встречу! Вот это красное малюсенькое яичко возьму. Маме дам!.. — болтала Галя, пряча маленькое яичко в кармашек. — Хорошо, бабушка? Правда? Давно уже пообедали бабушка и Галя. Скоро вечер, а мамы нет. Галя на дворе, неподалёку от ворот играет яичками.

Красным «тупорыленьким», которое маме подарит, и желтым каменным.

Катает их. В платочек завязывает. То и дело выбегает Галя из ворот на дорогу. Прикрывает глаза рукой, смотрит пристально вдаль, возвращается к бабушке на террасу и говорит:

— Поезд опоздал, бабушка? Да?

Надувает сердито губки и прибавляет:

— Мама едет, а поезд опаздывает. А я жду маму. Зачем он опаздывает?

— А ты побегай, поиграй — и не заметишь, как время пролетит, — советует бабушка.

Но Галя не хочет играть. Она взбирается на стул возле бабушки, кладет платочек с яичками возле себя и спрашивает:

— А мама мне куклу привезет. Да, бабушка? Большую-большую, в красной шапочке? И чтобы глаза закрывала...

— Правда, правда, — уверяет бабушка.

— Вот хорошо-то, вот хорошо, — кричит Галя, хлопает в ладоши и бежит во двор, к черной лохматой собаке Жучке.

— Жучка, Жучка, а у меня будет большая кукла — «Красная Шапочка».

Мама из Москвы привезет.

Понеслась с Жучкой к пруду, где пастушок Митя играет.

— Пойдем, Митя, маму встречать, — просит Галя.

А Митя и слушать не хочет.

Вернулась Галя обиженная во двор. Скучно ей. Мама не едет. В комнатах пусто. Работник Степан ушел с женой в деревню. Бабушка на террасе толстую скучную книжку читает. Одна Жучка с Галей. Нашла Жучка коротенькую палку, в зубы взяла. Гордо так, медленно мимо Гали проходит, дразнит: «Отними, мол, попробуй».

Раззадорилась Галя:

— Ах ты, Жук потешный, Жучище, — приговаривает. — Ах ты, ах ты...

Ухватила обеими ручонками за палку, к себе тащит. Рычит Жучка, палки не даёт. Видит Галя — не одолеть ей Жучки. Бросила палку вырывать, сама к саду побежала:

— Жучка, Жучка! Коровы в сад зашли!

Бросила Жучка палку. Кинулась с лаем в сад. А Галя палку схватила,

смеётся:

— Эх, простофиля, простофиля.

Убежала Жучка, а Гале еще скучнее, еще досаднее. Стук колёс услышала Галя за воротами: схватила красненькое яичко, побежала по утоптанной дороге навстречу едущим — думала мама. Поближе подбежала, видит — чужие. Лошадь чужая, кучер чужой. Проехал тарантас. С неистовым лаем унеслась за ним Жучка. А Галя решила:

— Пойду на бугор, встречу маму. Христос Воскресе скажу... Непременно встречу!

Пошла Галя по укатанной дороге дальше; вдоль опушки темного леса идёт — сторонится — знает, что там, в лесу, глубокая яма, в которой волки зимой сидят. Страшно Гале стало: вдруг волк выскочит. Позвала Галя тоненьким голосом:

— Жучка, Жучка!

Откуда-то, через лес принеслась к ней чёрная Жучка. Успокоилась Галя:

— Идем, Жучка, маму встречать!

Жучка рада, руки Галины лижет, ласкается. Идут вместе по дороге твёрдой, укатанной, Жучка и Галя. На бугор взошли.

Слева озимь зеленеет; справа поле да низина, а за ними овраг, лес и белая полоса речки. Жаворонок высоко в небе поёт свое весеннее «тили-тили».

Остановилась Галя, подняла голову, смотрит высоко вверх, на исчезающую в синеве птичку. Хорошо ей. Звенит, звенит песенка. Близко-близко зазвенела другая. Видит Галя — птичка в траву на землю упала.

— Поймать бы мне жаворонка!

Бросилась по хлебам. Упорхнул жаворонок из-под самых ног. Сердце Галочкино забилося-забилося от испуга. Жучка кинулась для вида следом за вспорхнувшей птичкой, залаяла, села на дороге.

Стемнело; из оврага соседнего пахнуло сыростью. Стало свежо и страшно.

Хочет Галя домой к бабушке вернуться, да туда идти еще страшнее: там волчья яма. Притомилась Галя, присела на глыбу чёрной земли. Яичко мамино на колени положила. Жучка походила, порыла землю возле Гали и легла, вытянув лапы. Слушает Галя — не едет ли мама?

Нет, не слышно!..

Ветерок пробежал. Расправляя крылья, прошла, переваливаясь, большая сонная птица. Солнце скрылось. Мама не едет.

«Почему мама не едет?» — думает Галя, и страшно, и тоскливо становится на душе. Темнота закрыла от Гали дорогу.

В тишине каждый шорох и звук пугают ее. Вон где-то вдали грянул выстрел и докатился до Гали. Вскочила Галя. Перепуганная закричала:

— Мама, мама!

Прислушалась. Крикнула еще раз:

— Бабушка! Мама!

Заплакала, задрожала Галя. О Жучке вспомнила. Подошла, села, обняла её за тёплую шею — прилегла, всхлипывая, к Жучке. Жучка голову на Галины колени положила. Вслхлипывала, всхлипывала Галя да и заснула, обласканная

Жучкой. Не спит Жучка — смотрит, слушает, стережёт Галю. Проснулась Галя от конского топота, криков Митиных, лая Жучки и от того ещё, что упала она с мягкой Жучкиной спины на твёрдую землю.

Пастушонок Митя несся по дороге верхом на гнедке и кричал:

— Галя, Галя!..

В темноте с коня спрыгнул.

— Галя, ты здесь? — спросил...

— Здесь, здесь! — откликнулась Галя и заплакала.

— Эх, тебя занесло-то! Маменька твоя давно приехала, по тебе убивается — а тебя вон куда занесло. Вместо городской дороги на село пошла, — ворчал Митя.

Взял на руки Галку. Крикнул грохотавшему сзади тарантасу:

— Здеся, здеся! Сюда держи!

В тарантасе подъехали кучер Никита, мама и бабушка.

— Галюська моя, милая, родная детка!.. Испугались мы, плакали, а ты вон где, — говорила мама, кутая Галю в тёплый платок и горячо целуя.

— Мама, Христос Воскресе! — неожиданно громко и звонко воскликнула Галя и тихо, с дрожью в голосе, добавила:

— Только, мама, я... яичко красное потеряла... И самая последняя тебя встретила, — зарыдала горько Галя.

— Что ты, что ты, милая, — забеспокоилась мама. — Не плачь. Придем домой — ты себе другое яичко выберешь, с мамой похристосуешься. Гони, Никита, скорее домой...

Скоро Галя была дома, в бабушкиной комнате, на кровати; на руках у нее лежала большая кукла «Красная Шапочка». Возле кровати сидела, лаская Галю, мама и о чём-то говорила с бабушкой. Галя счастливо улыбалась и засыпала. Снилось Гале, что она вместе с мамой идет по дороге, а жаворонок высоко в небе поёт свое весеннее «тили-тили». Спускается всё ниже и ниже — садится на Галочкину вытянутую руку и всё поёт Гале свою звонкую, радостную песенку.

Воистину Воскрес! — Виктор Ахтеров

На улице стемнело. Было слышно, как идет дождь. Иногда капли попадали прямо в окно и сразу же превращались в маленькие струйки, стекающие вниз. Костя сидел у стола и смотрел в темное окно, хотя все, поужинав, уже разошлись, каждый по своим делам.

— Ложись спать, Костик, завтра в шесть утра уже нужно быть готовым, — напомнила мама.

Спать Косте не хотелось. Он, как будто не услышав маму, продолжал сидеть за столом. Он думал о завтрашнем дне. Пасха! «Христос Воскрес!» — будут говорить все. И нужно будет отвечать: «Воистину Воскрес!» — и улыбаться. Отвечать Костя не любил. Не то, чтобы он не верил в Воскресение, нет, он, конечно, верил. Он просто не любил отвечать.

Костя встал из-за стола и пошел в свою комнату, которая, вообще-то была не только его, они жили там вдвоем: Костя и его дядя Сергей, папин младший

брат, которого он называл не дядей, а просто Сергеем, потому что он был еще совсем молодым.

Сергей еще не спал.

— Спокойной ночи, Костик, — сказал он.

— Спокойной ночи.

Костя разделся и залез под одеяло.

Так обычно случается: если знаешь, что завтра рано вставать, спать не хочется. К тому же, Косте было немного совестно, что он так думал о Пасхе. «Ведь Христос страдал за всех и за меня тоже, и теперь мы должны отмечать Его Воскресение как великий праздник. Ну и что, что нужно отвечать: «Воистину Воскрес!» Он действительно Воскрес», — говорил себе Костя, смотря на мокрые от дождя ветки акации за окном. Иногда ветер, как бы разозлившись, налетал на дерево, заставляя ветки раскачиваться вверх-вниз, и тогда Косте казалось, что это они машут ему, как бы приглашая в ночное царство сна...

...Костя шел по саду, но дождя уже не было. Было еще темно, но чувствовалось, что скоро небо на востоке станет ярче, а потом поднимется солнце, и темные деревья, растущие в саду, станут, наверное, совсем другими, приветливыми и зелеными. А пока Косте было страшновато, хотя он изо всех сил и старался выглядеть спокойным, чтобы его новый друг Рувим не подумал, что он трус. Рувим был местным парнем и показывал Косте достопримечательности района, к которому он жил.

— Это сад дяди Иосифа. Дядя Иосиф добрый! Даже если он заметит, что мы без спроса пробрались в его сад, он не будет кричать. Но сейчас все спят, кроме, наверное, римских солдат, охраняющих гроб, — рассказывал Рувим.

— Какой еще гроб? — у Кости по спине пробежали мурашки.

— Ну, пещеру, где похоронен Иисус.

— Иисус?! Здесь, в этом саду похоронен Иисус?

— Да, а ты думал зачем я тебя сюда привел, посмотреть на эти деревья?

Костя не верил своим ушам.

— Только тихо, — предупредил Рувим. — Если солдаты нас заметят, нам не сдобровать.

Они прошли немного вглубь сада, и Костя увидел сверкающие медные шлемы римских воинов.

— Ух ты, как блестят, — прошептал он.

Вход в пещеру был закрыт большущим камнем, который не смогли бы отвалить не то что Костя с Рувимом, но, наверное, даже шестеро крепких воинов-охранников.

— А когда Он умер? — спросил шепотом Костя.

— Да вот, уже третий день будет. Говорят, что Он был очень хорошим учителем, справедливым и добрым. Некоторые даже говорили, что Он — Мессия, Божий Сын, потому что Он совершал много разных чудес. Но теперь, когда Его распяли, уже никто не верит этому. Многие даже смеялись над Ним, говорили, чтобы Он совершил еще одно чудо и сошел со креста, но Он ничего не отвечал им, а только смотрел на них с высоты...

— Слушай, — перебил его Костя. — Да ведь если сегодня уже третий день, то Он сейчас должен Воскреснуть!

— Не шуми, — прервал его Рувим, — а то услышат. Люди не воскресают на третий день после смерти.

— Конечно Воскреснет! Он ведь не просто человек, Он — Божий Сын!

— Ты-то откуда знаешь?

— Пойдем, подойдем поближе, сейчас сам увидишь.

Костя схватил своего друга за рукав и потащил к пещере, стараясь все же, чтобы воины не заметили их.

Но не успели они подойти к толстому дереву, за которым хотели спрятаться от воинов, как земля под ними дрогнула. Мальчики от страха прижались друг к другу. Земля под ногами опять задвигалась, как будто это была и не земля вовсе, а что-то зыбкое и ненадежное. Костя не удержался на ногах, а Рувим схватился за дерево одной рукой, другой рукой помогая Косте подняться. Внезапно все утихло, но только на мгновение. Откуда-то сверху, прямо рядом с воинами, опустился белоснежный ангел. Его лицо так сияло, что ребята должны были прикрывать глаза рукой, а еще не пришедшие в себя после землетрясения воины просто ослепли, когда увидели его. Не обращая на них внимания, ангел подошел ко входу пещеры и отодвинул камень.

— Во силища! — сказал Костя.

Пещера открылась. Воины, совершенно ошеломленные, попадали на землю, а ангел сел на камень и поправил свои светлые волосы.

К удивлению ребят, в пещере было светло. Солнце только-только начинало освещать небо, а в пещере сиял яркий свет.

Рувим тяжело дышал над ухом у Кости.

Вдруг из пещеры вышел молодой человек в длинной белой одежде.

Посмотрев с улыбкой на ангела, Он поднял руки к небу и начал что-то говорить.

— Он так похож на Иисуса, — срывающимся голосом произнес Рувим.

— Он Воскрес! Христос Воскрес! — Костя тормозил Рувима, но тот никак не мог понять, что происходит.

— Христос Воскрес, я тебе говорю, — чуть не плакал от радости Костя. — Он должен был Воскреснуть, Он ведь Сын Божий...

Вдруг кто-то положил Косте на плечо руку. Он повернул голову. Это была мама.

— Мама, Христос Воскрес! — радостно закричал он.

— Воистину Воскрес, — заулыбалась мама.

— Воистину Воскрес, — сказал, проходя мимо, Сергей. В руках у него было полотенце.

Костя понял, что проснулся.

— Христос Воскрес! — сказал встретившийся им на автобусной остановке папин друг Михаил Геннадьевич.

— Воистину Воскрес! — громко, так, что все, стоящие на остановке, посмотрели в его сторону, ответил Костя. — Воистину Воскрес! — повторил

он, как бы давая всем понять, что верит в то, что говорит.
Михаил Геннадьевич, как взрослому, подал ему руку.

Мама услышала — Юлия Разсудовская

Была Страстная Суббота. Дождливая с утра погода изменилась. Солнце приветливо грело, и воздух, влажный и теплый, был свеж и чист, несмотря на уже позднее время дня. На улицах, благодаря хорошей погоде, толпилась масса народа и делового и гуляющего. Все готовились встретить праздник, все шли с пакетами: кто нес цветы, кто кондитерские коробки, кто пасхи и крашеные яйца; мальчики из разных магазинов разносили закупленное. Одним словом, все спешили, торопились, толкали друг друга и не замечали своего невежества, занятые своими думами.

У ворот одного громаднейшего многоэтажного дома на многолюдной улице стояла в раздумье девочка лет 10-ти. По её наряду и большой черной картонке можно было сразу определить, что это — девочка из мастерской дамских нарядов, посланная со сдачей сшитого платья. Она была крайне озабочена. Несколько раз принималась она пересматривать свои два кармашка, вынимая оттуда каждый раз наперсток, грязный носовой платок, напоминающий скорее пыльную тряпку, рваные перчатки и какие-то лоскутки, но очевидно, того, что она искала, не было. Лицо её все становилось испуганнее и, наконец, исказилось выражением ужаса и беспомощности. Она громко зарыдала и приговаривала: — «Она изобьет меня, изобьет. Что мне делать, кому я сдам платье?»

Конечно, никто из предпраздничной толпы не обратил внимания на плачущего ребенка, и неизвестно, сколько бы времени простояла девочка, плача и не зная, что предпринять в своем горе, если бы случайно не вышел дворник посмотреть на дворе порядки.

— Чево ты реवेशь тут? Тяжело нести что ль? — спросил он, поднимая с земли картонку и оглядывая маленькую, худенькую, побледневшую от испуга, девочку.

— Ну, отдохни, отдохни. Вот сюда иди, — говорил он, уводя ее под ворота, где стояла скамейка. — Садись, отдохни, куда несешь-то? Далече еще, что ль? — участливо спрашивал он и ласково погладил головку плачущей и поправил сбившуюся косынку.

Вместо ответа растроганная непривычной лаской бедняжка еще больше залилась слезами, но вдруг слезы остановились и, вперив разом ставшие сухими глаза в доброе лицо мужчины, она спросила:

— А она не выгонит меня? Дяденька, вот что я наделала! Я потеряла записочку, куда нести платье. А сдать-то его надо здесь, в этом доме.

Дяденька, вы тутошний, вы знаете. Барыня платье у хозяйки моей заказывает, ей надо всенепременно к 5-ти часам платье, к заутрени одеть. Барыня много платев шьет у хозяйки, и хозяйка ее очень любить Она меня изобьет, голодом оставить, если я вернусь обратно с платьем, и она сказала мне: — «Катка, торопись, тебе еще надо идти на Николаевскую, как вернешься. Еще другое платье нести».

Девочка торопливо рассказывала свою беду, и большие грустные глаза её с мольбой и надеждой глядели в лицо спасителя, каким ей казался теперь этот чужой и ласковый дядя.

— Ишь ты дело какое, у нас тут квартир-то настоящих барских, важных-то, 60, мыслимо ли дело их все обойти да спросить, кому. Да и время-то уже 6-ой час, — посмотрел он на часы. — Ну, ладно. А как фамилия-то твоей хозяйки-мамамы?

— Анна Егоровна, мы все так ее зовем, а больше я не знаю, — бойко ответила ободренная девчурка.

Вот оно что, — присвистнул дворник, — как оно выходит-то; нет, Катюша, сердешная моя, — тронул он опять ее по голове. — Сегодня ничего тебе не могу помочь, день-то какой, сама знаешь. Надоть нам, служивым, порядок навести во время, да в баньку сходить. А ты и фамилии своей мамамы не знаешь, значит, дела твоего я не могу поручить подручным, а должен сам устроить.

Девочка вопросительно-растерянно смотрела, видимо не понимая, в чем дело.

— Вот что я тебе скажу, — продолжал словоохотливый дядя. — Картонку ты оставь у меня, приходи завтра, и мы отыщем, чье это платье, а хозяйке ничего не говори; скажи, картонку барыня у себя оставила.

И он погладил еще раз хорошенькую головку, вполне уверенный, что грозный час минует ребенка, а потом все сгладится, можно упробить барыню простить маленькую заморенную труженицу ради великого праздника Воскресения Христова.

-Ну, беги домой скорее, не плачь, — ласково проводил дворник девочку до ворот и взял от неё картонку.

Ободренная и успокоенная Катя быстро направилась в обратный путь, который был довольно далек. Но снующая толпа мешала ей, и волей-неволей приходилось сдавливаться. В одном окне, где ее прижали прохожие, она увидела, что уже 6 часов.

«А хозяйка велела в 5 ч. быть дома», — пронеслось в ее голове. Опять страх обуял бедняжку. Она вспомнила, какая злая Анна Егоровна, когда она рассердится, как она всегда больно таскает за уши, как кричит, топает ногами, как обещает отправить ее обратно к тетке. И Катя остановилась решительно. В мозгу её перебирались все бывшие случаи гнева хозяйки. Нет, она не вернется к хозяйке. Что ее ждет там в мастерской? Анна Егоровна сегодня очень злая весь день; она изобьет ее, запрет в темный, холодный чулан или, еще хуже, выгонит на улицу. Лучше она сама пойдет к тетке и расскажет свое горе, — решила Катя, — ведь тетка её добрая, она любить Катю, она отдала ее в ученье такой маленькой только по бедности. От слез, страха и тяжелого раздумья Катя утомилась. Она прижалась к дому и не шевелилась... А воспоминания о прежней жизни, когда её мама была жива, назойливо лезли в усталую голову. Как было весело в этот день красить яички, готовить пасху...

С каким нетерпением ждала она, когда утром мама подойдет к ней с

красивым яйцом похристосоваться! И Кате неудержимо захотелось на мамину могилку. Она хорошо знала, где схоронена была её мать: она часто там бывала с тетей. Только это далеко далеко, но Катя решила идти. Когда она достигла кладбища, уже смеркалось. И там тоже все напоминало наступление Светлого Праздника: могилки были разукрашены, везде цветы, дорожки посыпаны песком, сторожа развешивали фонарики около церкви и устанавливали какие-то столы.

Катя дошла до заветной могилки, села на холмик, молилась усердно, сама не зная, как и о чем, и передавала могилке случившуюся с ней беду, свою боязнь вернуться к хозяйке, и так говорила, будто мама её сидела рядом живая. Она не заметила, как все темнело и темнело, и, наконец, наступила тихая, теплая, светлая апрельская ночь.

Девочка решила дожидаться утра на кладбище и пошла к церкви.

На богатых могилках теплились лампадки, около церкви было большое освещение. Она остановилась невдалеке и начала наблюдать. Много ходило нищих.

Вдруг к воротам кладбищенской ограды подъехал нарядный автомобиль-кареета. Оттуда вышли молодая красиво одетая дама в светлом платье и господин. Они пошли навстречу человеку, который нес громадную корзину цветов, и все вместе направились к свежей украшенной ельником могилке неподалеку, где ютилась Катя. Дама указывала, как расставлять горшки, долго и много раз их переставляли, и, когда, наконец, человек ушел, она села на сделанную у могилки скамейку и задумалась. Она сидела печальная, молчаливая, сколько ни заговаривал с ней сопровождавший ее господин, она только покачивала головою. Катя подумала: — «Вот и богатая барыня, а такая грустная, о ком это она горюет?» — Ее очень это заинтересовало, и она подошла поближе, разглядывая красивые белые лилии и розы, жалея, что она бедная, не могла снести цветочка своей маме.

Дама вдруг посмотрела на девочку, хотела что-то сказать, но слезы закапали из её глаз и, точно угадав желание ребенка, она сорвала розу и подала девочке.

— Пора в церковь, — напомнил мужчина, и дама, поцеловав могилку и поправив на ней большое красное яйцо из цветов, прошептала: — «Мамочка, я приду к тебе еще, сказать «Христос Воскресе». — Они ушли. Катя проводила взглядом красивую даму и мигом отнесла подаренный цветок на могилку своей матери «В это время торжественно-величаво шел крестный ход кругом церкви, плавно качались хоругви в тихом воздухе, и далеко-далеко неслось громкое пение, колокола гудели и переливались тоненькими голосами, свечи молящихся мелькали и колыхались, образуя движущиеся огоньки. И так стало весело, радостно, что Катя замерла в восторге и очень, жалела, когда крестный ход ушел в церковь. Усталость взяла свое, ноги болели, надо было посидеть, и Катя пошла к той богатой могилке, где дама дала ей розу. Сядя на скамейку, девочка увидела на песке что-то блестящее. Она стала шарить рукою и подняла кольцо.

«Это верно уронила та дама, — подумала Катя, — надо ей отдать. А как это

сделать? Вдруг она не придет сюда больше». — Немного подумав, девочка решила пойти к

автомобилю и там ждать, когда господа эти поедут домой.

Она завязала кольцо в носовой платок и, крепко зажав его ручонкой в кармашке, боялась шевельнуться, чтоб не потерять свою находку. Ждать ей пришлось недолго.

Дама и господин приближались к автомобилю. Дама горько плакала. Катя быстро подошла к ней.

— Может-быть, вы кольцо потеряли, там, на могилке, у вашей мамы? — спросила она.

Дама схватила девочку за руку.

— Андрюша, Андрюша! — воскликнула она, — какое счастье, какая радость! Потеря этого кольца была для меня новое горе, это мамино кольцо, которое она так любила.

Ты откуда, девочка? ты сторожа дочка, наверно? Что ты делаешь одна тут ночью, отчего ты не дома? — закидала она вопросами Катю.

— Я не живу здесь, я пришла на могилку к маме, — чуть пролепетала девочка.

Волнения целого дня сказались на хрупком организме ребенка, и Катя, как подкошенная, упала на руки подхватившего ее господина.

Молодые люди свезли ее к себе домой и на другой день, узнав всю историю её, временно ее приютили, пока она совсем оправилась, а потом в память её поступка обеспечили ее капиталом, так что тетка могла взять к себе племянницу и дать ей приличное образование.

Случай в Светлый Праздник — Николай Якубовский

Это было давно. Даже очень давно, а между тем до сих пор не могу я вспомнить об этом случае, без того, чтобы краска не залила моего лица и слезы не подступили бы к горлу.

Мне было всего десять лет, но мое общественное положение (я был гимназистом первого класса) подымало меня в собственных глазах гораздо выше полутора аршин от земли. Я с презрением смотрел на своих сверстников, не имевших такого почетного звания, презирал реалистов с желтым кантом и презрительно относился к девчонкам одного со мной возраста. Надев светло-серое пальто с серебряными пуговицами, я поставил крест на все, что интересовало и привлекало меня раньше, забросил игры, считая их позорящими мое звание и, если когда и вспоминал о них, то не иначе, как о том давно прошедшем времени, когда я «был маленьким». Теперь же я стал большим и должен был заниматься серьезными делами. Я ходил по комнатам с глубокомысленным видом, заложив руки за спину, и насвистывал «чижика», так как, к своему огорчению, не знал более никакого мотива. Прежние свои знакомства постарался прекратить и даже был настолько жесток, что послал своему бывшему другу Соничке Баташевой записку, сообщив ей, что «между нами все кончено».

Свои симпатии я перенес на Катеньку Подобедову, четырнадцатилетнюю

девочку, дочь генерала, нашего дальнего родственника. То обстоятельство, что Катенька разрешила мне бывать в их доме запросто, еще более возвысило меня в собственных глазах, и я каждое утро усиленно натирал себе верхнюю губу керосином, чтобы поскорее выросли усы.

Итак, я уже большой, принят в лучших домах Петербурга, у Подобедовых бываю запросто, чего же еще нужно начинающему жизнь молодому человеку?

Однако для полного счастья мне не хватало еще мундира. Темно-синего мундира с блестящими пуговицами, с высоким воротником, обшитым галунами, и с двумя карманами назад. О, эти карманы! такие же точно, как у папиного сюртука. Карманы назад! нет вы не знаете, что значит иметь карманы назад. Ведь это так гордо, так солидно! Желание иметь мундир не давало мне покоя ни днем, ни ночью. Мундир мне стал необходим, как хлеб, как воздух. Нет, более того...

Уже три месяца я «подъезжал» к родным с намеками насчет мундира.

Каждый день за обедом, стараясь казаться спокойным, и как бы с огорчением, я говорил, что «кажется», по новым правилам, все гимназисты обязаны иметь мундир. А когда меня спрашивали: «ты очень хочешь иметь мундир?» я невозмутимо отвечал:

— Что ж хотеть-то, велят, так поневоле оденешь.

Однако, как бы то ни было, но к Пасхе, к той самой Пасхе, о которой я без слез не могу вспомнить, мне сшили мундир.

О, это был счастливейший день в моей жизни! Как сейчас помню, сколько усилий стоило мне доказать, что он вовсе не узок и не давит мне горла, хотя на самом деле, я чувствовал себя в нем как в пеленках и буквально не мог дышать. Но я втягивал в себя воздух, подбирал живот и доказывал всем, что мундир скорее широк, чем узок. Я боялся хоть на один миг выпустить его из своих рук, чтобы не потерять окончательно.

Когда портной ушел, я первым делом осмотрел карманы. Все в порядке, моя «гордость» оказалась на месте. Целый час не хотел снимать с себя своего приобретения, и важно ходил из угла в угол, заложа руки за спину и держа два пальца правой руки в драгоценном кармане. Нет, вы посмотрите, сколько солидности!

Я с нетерпением стал ждать того дня, когда надев свой новый мундир, я пойду самостоятельно, без старших, делать визиты.

А визитов было много. Я даже составил целый список лиц, которым должен буду засвидетельствовать свое почтение, чтобы кого не забыть и не обидеть. Прежде всего к директору гимназии — расписаться в книге, затем к бабушке, папиной маме; оттуда к дедушке, маминому папе; потом к тете Соне, к дяде Вите и, наконец, к Катеньке Подобедовой. Я нарочно оставил визит к Катеньке под конец, хотя они жили на другом углу Невского, чтобы, отделавшись от неприятных служебных визитов, отдохнуть в приятном дамском обществе.

Утром в Светлый праздник я встал ранее обыкновенного и принялся скоблить и чистить свой новый мундир. Не оставив на нем ни одной

пылилки, я торжественно приступил к облачению.

Целый час перед большим зеркалом я то снимал, то надевал мундир; двадцать раз перевязывал галстучек и только к 11 часам был настолько прилично одет, что мог со спокойной совестью отправиться с визитами. Наскоро выпив стакан (заметьте стакан, а не чашку) кофе, я, надушенный цветочным одеколоном, в белых фильдекосовых перчатках, без пальто (Пасха была теплая), преисполненный собственного достоинства, вышел на улицу.

День тянулся возмутительно долго. Везде так страшно задерживали, что только в половине третьего я смог, наконец, позвонить у подъезда Подобедовского дома.

У Подобедовых было много гостей. Нарядные важные дамы, разодетые мужчины во фраках, шитых золотом мундирах, военные, штатские, наполняли гостиную. Слышался какой-то гул голосов: шутки, смех, пение, — все сливалось во что-то могучее и неопределенное.

Вид этого большого блестящего общества настолько ошеломил меня, что вместо развязности, с какой я собирался войти в гостиную, я робко остановился в самых дверях и шаркнул ногой, отвешивая общий поклон.

— А, вот и будущий министр пожаловал, — услышал я голос генерала (он всегда меня звал министром), — милости просим, милости просим.

Катенька, — закричал он, повернувшись к противоположной двери, — беги скорей, министр пришел.

— Коленька? — послышался из соседней комнаты вопросительный голос Кати, — пусть идет сюда, я с гостями.

Звук ее голоса придал мне храбрости, и я уже более развязно обошел по очереди всех гостей и, деликатно шаркая ногой, поздравил всех с праздником Воскресения Христова.

Свободен! Робость как рукой сняло. Я важно и гордо переступаю порог маленькой гостиной и отвешиваю общий поклон, грациозно нагибаясь вперед.

— Здравствуйте, Коля, — улыбаясь и протягивая мне руку, встретила меня Катенька, — замучили вас, бедненький. Господа, знакомьтесь, — тоном совсем взрослой, добавила она и, прищурив глазки, многозначительно посмотрела на меня: «Вот, мол, как я умею говорить».

Я не знаю, был ли у Катеньки какой-нибудь злой умысел, хотела ли она показать мне, что она уже взрослая, или это у ней случайно так удачно вышло, но я тогда понял эту фразу как вызов и должен был, так или иначе, поддержать честь своего мундира.

Я усиленно заморгал глазами, придумывая какой-нибудь фортель, который мог бы поднять меня в глаза общества. Наконец выход придуман. Я важно прошел из угла в угол по комнате, вынул из знаменитого кармана платок, отер свою лысину, и, сделав страдальческое лицо, протянул: «Фу, уста-а-ал». Затем, повернувшись на каблуке и наклонив вперед весь корпус, что мне казалось, должно было быть очень красиво, важно подошел к Катеньке и не сел, а прямо упал на стул.

— Сегодня такая прекрасная погода, что...

Но я не мог договорить, так как волосы стали дыбом на моей голове. Я почувствовал под собой что-то влажное и клейкое.

В глазах все пошло кругом: стол, гости, Катенька, — все закружилось и запрыгало передо мною. Кровь прилила к лицу, и я почувствовал, что краснею, краснею, как какой-нибудь пригостишка.

Боже мой, да ведь это я сел на яйцо, которое сам же положил у бабушки в свою «гордость».

«Но почему же яйцо всмятку? Какой дурак на Пасхе варит яйца всмятку?» — злобно думал я, не зная, как вылезти из глупого положения. Однако мое смущение могут заметить. Я взял себя в руки, собрал все свое хладнокровие и постарался согнать краску со своего лица.

Не знаю, что я болтал, какие глупости говорил, желая скрыть свое смущение, ничего не знаю; минуты казались мне часами, я не знал куда мне деться и готов был провалиться сквозь землю.

— Ну, будет сидеть-то, идемте играть — вскочила вдруг Катенька, схватывая меня за рукав. «Коленька, бежим, будьте моим кавалером».

Но Коленька не мог двинуться с места. Коленька прирос к стулу и боялся шевельнуться, чтобы предательское яйцо не потекло на пол. «А вдруг могут подумать что...». — промелькнула у меня мысль, и кровь снова бросилась мне в голову. Я сидел ни жив, ни мертв, чувствуя, что глаза мои наполняются слезами. Язык отказывался повиноваться, руки тряслись.

— Да что с вами? Вы больны? Отчего вы такой красный? — обступили меня девочки.

Спасительная мысль осенила меня. Я скорчил ужасную гримасу, потом заставил себя улыбнуться и чуть слышно прошептал:

— Ничего, пройдет... мурашки забегали, — и я принялся усиленно тереть себе ногу.

— А... мурашки, ну, это бывает, — засмеялись девочки.

— У маленьких, — язвительно добавила Катенька и, не удостоив меня даже взглядом, вышла с подругами из комнаты.

Большого оскорбления нанести мне она не могла.

— У маленьких, дура! — пробурчал я ей вдогонку.

* * *

Я остался один. Что делать? Куда бежать? Некуда: с одной стороны слышались голоса старших, с другой — смех девочек. Положение безвыходное. Я посмотрел в зеркало. Сзади на мундире красовалось большое желтое пятно.

«Просочилось, Боже мой, просочилось», — с ужасом думал я.

Однако надо было действовать, каждую минуту могли вернуться девочки, и тогда что? Опять мурашки? Из двух зол надо выбрать меньшее. Если проходить комнату, то уж лучше мимо старших.

Надо только сделать так, чтобы не заметили. Я закрыл обеими руками злополучное пятно назад и со всех ног бросился бежать через гостиную.

— Куда? Куда, министр? — вдруг услышал я голос генерала за собой. — А...

ну беги, беги скорее, вторая дверь в конце коридора.

Не отдавая себе отчета, я бежал по коридору.

«Боже мой, просочилось! Боже мой, просочилось! Боже мой, просочилось!»

— бессмысленно повторял я в уме одну и ту же фразу.

* * *

Я нашел спасительницу в лице кухарки Марфы, на которую налетел по дороге. Услышав о несчастье и тщательно осмотрев мой костюм, она заявила, что это яйцо, и что надо его скорей замыть, а то пятно будет.

— Посиди тут, — добавила она, показывая на умывальную комнату, — а я сейчас замою.

— Марфа, голубушка, — взмолился я, — чтобы барышни не узнали.

— Сиди уж, туда же, чтобы барышни не узнали, — передразнила она меня, — очень ты нужен, что ж я докладывать, что ли, пойду, и без тебя дела много.

Я успокоился.

«Правда, что она докладывать, что ли пойдет», — решил я — и без сопротивления дал снять с себя свои форменные брючки и остался ожидать ее в одном мундире. Мундира я не отдал, не желая оставаться в одном белье и решил, что замыть его можно будет после, когда высохнут брючки.

Я остановился перед зеркалом и невольно залюбовался на себя. В красивом мундире и белых рейтузах я казался себе похожим на Наполеона.

«Как красиво, — подумал я, — почему это в гимназии не полагается к мундиру белых брюк? Совсем Наполеон».

Я забыл уже о своем несчастье, о том, что нахожусь в умывальной и ожидаю, пока просохнет мой костюм. Я был уже не гимназист, ни больше ни меньше как повелитель французов, император Наполеон. Я стоял перед зеркалом, любуясь на себя, и командовал войсками, принимая самые разнообразные позы. Приход Марфы вернул меня к действительности и решил судьбу одного крупного сражения. Сняв с меня мундир, она лишила меня возможности продолжать завоевания мира, и я, волей неволей, должен был снова превратиться в обыкновенного гимназиста.

Как я ни уговаривал Марфу не лишать меня моего последнего украшения, она осталась непреклонна.

— Засохнет, тогда не отмоешь, а ждать, пока «они» высохнут, так тебе же придется два часа в пустой комнате сидеть.

— А если кто придет?

— Очень ты нужен, сиди уж, — сердито проворчала она и ушла, хлопнув дверью.

Вот уже целый час, как я сижу один в умывальной комнате.

Я слышал, как пробило четыре часа, затем пять, а Марфы все нет и нет.

Должно быть, забыла или услали куда-нибудь. Несколько раз выходил я на разведки, высовывал свой нос из комнаты и тихонько звал ее: «Марфа, Марфа» — никакого ответа. Все время нахожусь под страхом того, что кто-нибудь войдет и застанет меня здесь. Продумал все мозги, но не могу найти никакого выхода.

Девочки бегают по всему дому и ищут меня. Слава Богу, что не заглянули сюда, хотя на всякий случай, я нашел себе место, где спрятаться. Туда не полезут искать. Это шкафчик под умывальником. Вынул ведро и могу там легко поместиться. Слава Богу, что я такой маленький.

Ну, кажется идет. Слышны шаги по коридору. Да, это ее шаги.

Бросаюсь к двери ей навстречу, и в ужасе отскакиваю назад: по коридору, своей качающейся походкой, идет генерал.

— Спасайся, кто может, — бессмысленно говорю я и бросаюсь в свою засаду.

Хорошо, что я спрятался: он идет сюда. Вдруг увидит. Мое сердце так сильно бьется, что его удары должны быть слышны по всему дому. Беда, услышал, идет прямо к умывальнику. Сейчас откроет дверцу. Что-то будет?

Но дверца не открылась. Случилось нечто похуже: генерал стал мыться.

Читатель, не смейтесь, грешно смеяться над несчастьем ближнего. Вы понимаете? Я сидел, боясь шевельнуться, чтобы не выдать своего присутствия, а сверху на меня лились потоки мыльной воды. Первая струя пришлась мне, как раз по макушке, потом потекло по шее, по спине, по груди. А я сидел как дурак. Вместо того, чтобы закричать: «Генерал, здесь я, не мойтесь», — я бессмысленно уставился глазами в темный угол умывального шкафа и думал... о том, каким мылом моется генерал.

— Ах да, ландыш, — вдруг сообразил я, вспомнив, что утром перед уходом я душился цветочным одеколоном запаха «ландыш».

Генерал вымылся и, что-то насвистывая, вышел из комнаты.

Говорят, что беда никогда не приходит одна. Не успел я вылезти из засады, снять свои сапоги и рубашонку, чтобы хоть немного отжать ее, как в коридоре снова послышались шаги. Но я не обрадовался им, так как в первый раз. Я отлично знал, что это не Марфа, так как ясно различал голоса Катеньки, Лизы Поганкиной, Веры Шугальевой, Вареньки Лилиной и многих других девочек. Их веселый жизнерадостный смех доносился до меня все ясней и ясней... Сомнения не было: они шли в умывальную. Что делать?

Раздумывать было некогда. Я бросился к умывальнику, но вспомнив только что принятую ванну, с ужасом отскочил от него. Несчастный, я не сообразил, что промокнуть на мне более ничего не может, так как рубашонку и ту я снял с себя. Но медлить нельзя.

Быстро оглядев всю комнату, я заметил вделанный в стену платяной шкаф (как это я его раньше не видал). Еще секунда, и я, прижавшись в уголке шкафа и закрыв себя висевшими платьями, ожидал того, что пошлет мне злая судьба.

Девочки вошли в комнату.

— Ну, смотрите, вот мое новое платье, — услышал я голос Катеньки и в тот же момент в шкафу стало светло, как на улице.

Подробностей того, что произошло потом, я не помню. Я помню лишь, что, захватив все, что висело в шкафу, я выбросил на стоявших девочек и, пользуясь их испугом, бросился бежать.

Как я бежал! Ах, как я бежал! Я плохо знал расположение квартиры

Подобедовых и потому не отдавал себе отчета в том, куда я бегу. Когда теперь, много лет спустя, я сижу в синематографе и вижу излюбленную публикой картинку, изображающую бегство какого-нибудь плутишки от своих преследователей, я вспоминаю свой злополучный визит к Подобедовым.

Мои преследователи: все гости во главе с хозяином дома, не зная, что случилось, и ничего не соображая, — гонялись за мной по всем комнатам, как за зайцем. Когда я заметил, что некоторые из них побежали мне навстречу, мне ничего более не оставалось, как выскочить в окно, благо квартира была в первом этаже. Ничего не помня и не соображая, мчался я по Невскому, под гоготание и ауканье извозчиков и прохожих. Как я достиг дома, как попал в свою комнату, я не помню. Часа через три, немного придя в себя, я решил, что после такого случая, я не имею права остаться жить и должен умереть...

Но я не умер, а на другой день, даже немного успокоенный, писал следующую записку: «Милая Катя, вчера я нечаянно забыл у вас свой мундир и штанишки. Будьте добры прислать их мне с нашей горничной Машей. Уважающий Вас Коля».